

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 466–469

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 466–469

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-466-469>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Липкин

Поэтическая «Мариология» Семёна Липкина

Р. Р. Измайлов

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Россия, 410012, г. Саратов, просп. им. С. Кирова, д. 1

Измайлов Руслан Равилович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, ruslanizmajloff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3767-8942>

Аннотация. В статье рассматривается образ Богородицы, представленный в поэтическом мире одного из крупнейших поэтов второй половины XX века Семёна Липкина. Органичная религиозность, свойственная его поэзии, реализуется, прежде всего, в культурном пространстве Священного Писания. Находясь как бы на границе двух Заветов, поэт в своём мироощущении скорее склоняется к новозаветному пониманию страдания и скорби, жизни и смерти. Образ Богородицы становится одним из проводников новозаветного благовестия.

Ключевые слова: Семён Липкин, поэзия, образ Богородицы, скорбь, страдание

Для цитирования: Измайлов Р. Р. Поэтическая «Мариология» Семёна Липкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 466–469. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-466-469>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Semyon Lipkin's poetic 'Mariology'

R. R. Izmailov

Saratov State Conservatoire, 1 Kirov Ave., Saratov 410012, Russia

Ruslan R. Izmailov, ruslanizmajloff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3767-8942>

Abstract. The article considers the image of the Virgin, presented in the poetic world of one of the greatest poets of the second half of the 20th century, Semyon Lipkin. The organic religious commitment inherent in his poetry is realized, first of all, in the cultural space of the Holy Scripture. Being, in a way, in between the two Testaments, the poet in his worldview is rather inclined to favor the New Testament understanding of suffering and sorrow, life and death. The image of the Virgin becomes one of the bearers of the New Testament gospel.

Keywords: Semyon Lipkin, poetry, the image of the Virgin, sorrow, suffering

For citation: Izmailov R. R. Semyon Lipkin's poetic 'Mariology'. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 466–469 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-466-469>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Поэт Семён Израилевич Липкин свою религиозную идентичность всегда определял как иудаизм. Но ортодоксальным этот иудаизм назвать проблематично. И в своём мироощущении, и в мировоззрении поэт стоял на границе двух Заветов. Он видел красоту истины Нового Завета, но не делал окончательного шага, выводящего из духовного пространства Завета Ветхого. Как Моисей, выведший из плена египетского еврейский народ и приведший его в страну обетованную, сам не вступил в неё, так и Семён Липкин, подойдя к земле обетованной евангельского благовестия, остановился у открытых для него врат с твёрдым убеждением, что именно здесь его место. На границе двух Заветов находился старец Симеон Богоприимец. Липкина можно назвать «Симеоном Богоприимцем русской поэзии»¹. Сергей

Аверинцев, предвзято публикуя подборку стихов Семёна Липкина в журнале «Православная община», писал: «Автор, всю жизнь столь серьёзно размышляя о Боге и притом будучи очевидным образом ближе к Новому Завету, чем к Ветхому, к церковности не пришёл. Причины этого составляют тайну личного пути и могут быть разве что импульсом наших молитв...»². А литературный критик Павел Крючков в одной из передач радиостанции «Вера», посвящённой творчеству Семёна Липкина, свидетельствовал: «Мудрец, поэт, сострадатель, он твёрдо держался веры своих предков, но не раз горячо и доверительно говорил мне: “Я очень люблю Христа и Божью Матерь”»³.

Сам Семён Израилевич Липкин в своих воспоминаниях писал: «Меня с детства таинственно

притягивали к себе, страстно волновали Бог и история, то есть Бог и его подобия, и не только Бог Ветхого завета, но и трёхипостасный Бог Евангелия... По правде говоря, я и теперь недалеко ушел от поэтических, философских вопросов моего детства, и ныне меня по-настоящему, сильнее и прочнее всего интересуют, волнуют, влекут, мучают, восхищают, обвораживают только два нераздельных явления – Бог и нация»⁴. В этих же воспоминаниях поэт рассказывает, что ходил и в иудейскую школу хедер, и на уроки Закона Божьего в гимназии. Причём и в иудейскую духовную школу, и на гимназические занятия ходил по велению души, а не по принуждению. Дело в том, что отец Семёна Липкина, атеист, меньшевик, был против того, чтобы сын посещал иудейскую школу, а в гимназиях Российской империи иноверцы (т.е. все неправославные) освобождались от занятий по Закону Божьему. «Я был освобожден от уроков Закона Божьего, но посещал их, – и не только из благодарности батюшке. Я был религиозен, а почему, – объяснить трудно. Мой отец, старый социал-демократ, в Бога не верил, мать исполняла только некоторые обряды, слабо понимая их значение. В моей голове странно сливались и Ветхий Завет, которому, против воли отца, меня учили в подлиннике, и мифы Греции, и мифы Египта, и уроки Нового Завета. С непостижимым благоговением я по праздникам входил и в Покровскую церковь на Александровском проспекте, и в греческую на Екатерининской, и на той же Екатерининской – в польский костел, и в синагогу на Жуковской, и в караимскую кинесу на Ришельевской, и в кирху на Новосельской. Особенно мне нравилось богослужение в католическом храме св. Петра на Гаванном спуске, – там молились местные французы»⁵. Сердце будущего поэта с детства возгорелось религиозным огнём, взыскуя горнего, а не дольного.

Об учителе Закона Божьего о. Василии Флоря, благодаря которому Семёна приняли в гимназию, поэт сохранил тёплую и благодарную память. Уже будучи московским студентом, Семён Липкин привозил на каникулах отцу Василию книги Хомякова, Гершензона, Бердяева, Булгакова, Мережковского. Батюшка всё это внимательно читал, делал выписки, но принимал всецело только Хомякова. «Всё хотят обосновать, – приводит слова о. Василия в своих воспоминаниях Семён Липкин, – у протестантов научились, головой веруют, а не сердцем. Вот Хомяков верует сердцем, на других не похож»⁶. Эти слова батюшки, погибшего в 30-х гг. на Соловках, запали в душу, сердце и ум поэта. Мировоззрение Семёна Липкина, по его же собственному признанию, стало вполне славянофильским.

«Славянофильство», рождённое в юности, сохранилось у Семёна Липкина на протяжении всей жизни. Мог ли «славянофил», русский поэт (именно русский поэт, так как не кровь, а слово определяет принадлежность поэзии и поэта к той

или иной культуре) пройти в своём творчестве мимо самого возвышенного, самого сокровенного, трагичного и светлого женского образа, какой только существует в мировом религиозном и культурном пространстве? Мог ли «Симеон Богоприимец» узреть Младенца, но не увидеть Мать?

Стихотворений, в которых предстаёт образ Богородицы, у Семёна Липкина немного, но они весьма глубоки и проникновенны. Поэт чувствует свою сопричастность пресветлому Образу. Это чувство порождено двумя факторами, которые можно соотнести символически (или иконически) с Ветхим и Новым Заветами. Первый фактор – чувство родства, кровного родства, принадлежности к еврейскому народу. Трагедия еврейского народа 30–40-х гг. XX в. – постоянный мотив в творчестве Семёна Липкина. В одном из лучших стихотворений на эту тему поэт осмысляет страдания, выпавшие на долю евреев, через образ Богородицы. Стихотворение так и называется: «Богородица». Канонического образа Приснодевы здесь, конечно, нет. Поэт создаёт поэтический сюжет, в котором сквозь страшную реальность событий на оккупированных фашистами территориях просвечивает священная реальность Нового Завета: молодая еврейская мать гибнет вместе со своим новорождённым младенцем.

Богородица⁷

1
Гремели уже на бульжнике
Немецкие танки вдали.
Уже фарисеи и книжники
Почетные грамоты гзгли.
В то утро скончался Иосиф,
Счастливец, ушел в тишину,
На муки жестокие бросив
Рожавшую в муках жену.

3
Глазами недвижными нелюди
Смотрели на тысячи лиц.
Недвижны глаза и у челяди –
Единое племя убийц.
Свежа еще мужа могила,
И гибель стоит за углом,
А мать мальчугана кормила
Сладчайшим своим молоком.

5
И яму их вырыть заставили,
И лечь в этом глиняном рву,
И нелюди дула направили
В дитя, в молодую вдову.
Мертвящая, черная сила
Уже ликовала кругом,
А мать мальчугана кормила
Сладчайшим своим молоком.

..... (93–94).

Молодая еврейская мать с младенцем на руках типологически соотносится с Богородицей Марией, держащей Богомладенца на руках.

Общество, в котором провозглашена смерть Бога, немедленно переходит к тому, чтобы начать уничтожать и Его подобия, причём не только духовно, но и физически. Жажда убийства проистекает из дьявольских глубин ненависти к Богу и, как следствие, к человеку. Жажда убийства – это жажда тотальной смерти. «Нелюди» сделали своё чёрное. Бог умер... Но смерть Бога есть начало Его воскресения! В тропаре Праздника Праздников, Пасхи Христовой поётся: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!». Апогей торжества зла становится началом его поражения. И стихотворение тоже заканчивается воскресением:

6
Не стала иконой прославленной,
Свалившись на глиняный прах,
И мальчик упал окровавленный
С ее молоком на губах.
Еще не нуждаясь в спасенье,
Солдаты в казарму пошли,
Но так началось воскресенье
Людей, и любви, и земли (95).

Стихотворение «Богородица» написано в 1956 г. Через тридцать лет Семён Липкин пишет ещё одно, в котором появляется образ Богородицы. В этом стихотворении продолжает осмысляться еврейская трагедия. Поводом к размышлению послужил обыкновенный песок, который везут из карьера ранним утром, и рёв мотора грузовика будит лирического героя. Карьер, песок и рёв мотора поднимают со дна памяти то, что вызывает страх и ужас. Но этот ужас уже больше, чем память о жертвах Бабьего Яра и других мест массового уничтожения евреев. Здесь ужас за весь род человеческий. И приходит осознание, что страдания всех людей оплаканы Заступницей Усердной, Той, Которая Одна может утолить все печали.

Слышу, как везут песок с карьера,
Просыпаюсь, у окна стою,
И береза смотрит светло-серо
На меня, на комнату мою.

Голубое небо так сверкает,
Почему ж в нарушенной тиши
Ужас пониманья проникает
В темную вещественность души.

Разве только нам карьер копали,
Разве только мы в него легли?
Мать Утоли Моя Печали
Не рыдала ль плачем всей земли? (282).

Здесь раскрывается уже второй фактор – новозаветный. Страдание – вот то, что делает поэта сопричастным образу Богородицы. Именно страдания и боль, слёзы и скорбь являются мостом, соединяющим человека с Ней, а через Неё и с Её Богомладенцем. Любые страдания всех людей и каждого человека – это страдания Христа и его Пречистой Матери. Они всегда с теми, кто испы-

тывает душевную и физическую муку, скорбит, стенает от боли, умирает. Так было, так есть и так будет до скончания времён. Для Семёна Липкина это абсолютная истина:

Когда мне в городе родном,
В Успенской церкви, за углом,
Явилась ты в году двадцатом,
Почудилось, что ты пришла
Из украинского села
С ребенком, в голоде зачатом.
.....
Когда Казанскою была,
По Озеру не уплыла,
Где сталкивался лед с волнами,
А над Невною фронтовой
Вы оба – ты и мальчик твой –
Блокадный хлеб делили с нами.

Когда Сикстинскою была,
Казалось нам, что два крыла
Есть у тебя, незримых людям,
И ты навстречу нам летишь,
И свой полет не прекратишь,
Пока мы есть, пока мы будем (298).

В стихотворении «Скорбь» явлено органичное единство двух вышеназванных факторов. Стихотворение религиозно-интимное, сокровенно-проникновенное, очень личное, но при этом и вселенское. Воспоминания собственного детства обращают мысленный взор автора к жизни семьи плотника из Назарета. Проповедь, крестная смерть и воскресение ещё в будущем. Пока ещё всё прикровенно, ещё в пророчествах. Пока просто светлая радость материнства, тихий домашний семейный уют. Но в сердце уже сложены слова старца Симеона об оружии, которое «пройдёт душу» Её Самой: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2:35). Скорбь и молитва за всех и каждого уже начинает своё благое дело, чтобы затем Её материнская любовь обняла всё человечество.

Скорбь

Я не знаю, глядя издали,
Где веков туманна колея,
Так же ли благословляла свечи
В пятницу, как бабушка моя.

Так же ли дитя свое ласкала,
Как меня моя ласкала мать,
И очаг – не печку – разжигала,
Чтоб в тепле молитву прочитать.

А кому Она тогда молилась?
Не ребенку, а Его Отцу,
Ниспославшему такую милость
Ей, пошедшей с плотником к венцу.

Так же ли, качая люльку, пела
Колыбельную в вечерний час?
Молодая – так же ли скорбела,
Как теперь Она скорбит о нас? (293).

Перед нами образ Богородицы, скорбящей за весь род человеческий, но в этой всеобщности каждый не растворяется в безликой массе. Богородица скорбит не за всех, а за каждого. Такое понимание для Липкина – акт личного опыта, поэт имеет полное право исходить из него, исходить из собственных переживаний и чувств своих близких.

«Сила Божья в немощи совершается» (Деян. 9:15) – эти новозаветные слова полностью разделял Семён Липкин. Только сила сияющего смиренного страдания способна преодолеть зло мира. Свидетельство это сродни свидетельству праведного Иова. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) так писал о смысле страданий Иова: «...Господь усыновляет человека и причисляет его к Своему крестному пути правды в ветхом мире, и, страдая за рабов Своих, страдает в сынах, распространяет пределы Своего Страждущего Богочеловеческого Тела на тела всех сынов Своих и страдания Богочеловеческой Души Своей на их души. Так рождается новый мир. Это великая тайна строительства Церкви, Нового Мира на крови Агнца и агнцев <...> И потому нет на земле высшей красоты, чем страдание правды, нет большего сияния, чем сияние безвинного страдания»⁸.

В конце своей повести «Записки жильца» Семён Липкин, размышляя о победе над фашистской Германией, выходит на библейский уровень осмысления произошедшего: «Кто победил и кто побеждён? Не Сталин разгромил Гитлера, не русские одолели немцев – победило страдание, дух поборол плоть. Могучее государство фараонов поникло перед безоружным племенем, ибо маленькая, крытая камышом пустыни скиния Завета бесконечно сильнее великолепной, закованной в сталь конницы, ... и государство, которому служил Понтий Пилат, не восторжествовало над другими государствами – восторжествовало распятое страдание, ... не уставая, победоносно движется по земле сияющее страдание, воскрешаясь и воскресая...»⁹. А главный герой повести Лоренц,

чей образ отчасти автобиографичен, под стук колёс вагона поезда, в котором он возвращается домой из Германии, открывает для себя Истину: «...Прости меня, Боже, за то, что я Тебя оставил... Дай мне высокую милость, дай мне идти Твоим путём, путём страдания...»¹⁰.

Семён Липкин в меру своих сил нёс нам весть о том, что есть страдание невинных, но нет страданий напрасных. И образ Богородицы явился одним из главных проводников этого благовестия в его творчестве.

Примечания

- 1 См. Измайлов Р. «Теодицея» Семёна Липкина // Сибирские огни. 2008. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/sib/2008/7/teodiczeja-semena-lipkina.html> (дата обращения: 28.08.2021).
- 2 Аверинцев С. Ответственно свидетельство // Липкин С. «Угль, пылающий огнём...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семёне Липкине. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 288.
- 3 Крючков П. Рифмы жизни. Семён Липкин. URL: <http://radiovera.ru/rifmy-zhizni-semyon-lipkin.html> (дата обращения: 01.09.2021).
- 4 Липкин С. Пушкинская улица // Липкин С. Квадрига. Повесть, мемуары. М.: Аграф; Книжный сад, 1997. С. 243.
- 5 Липкин С. Странички автобиографии. URL: https://the-lib.ru/books/lipkin_semen/stranichki_avtobiografii-read.html (дата обращения: 28.08.2021).
- 6 Липкин С. Пушкинская улица. С. 239.
- 7 Липкин С. Воля. М.: ОГИ, 2003. Далее стихотворения Семёна Липкина цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 8 Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Тайна Иова. О страданиях // Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Избранное: в 2 т. Нижний Новгород, 2000. Т. 2. С. 269.
- 9 Липкин С. Записки жильца // Липкин С. Квадрига. Повесть, мемуары. С. 227.
- 10 Там же.

Поступила в редакцию 03.09.2021, после рецензирования 09.09.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 03.09.2021, revised 09.09.2021, accepted 13.09.2021